

Константин Томилов ТАМ, ГДЕ НЕБЕСА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Томилов

Там, где Небеса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70550524

SelfPub; 2024

Аннотация

Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие. (Деян. 14, 22.) После грехопадения жизнь человеческая заполнилась трудом, болезнями и страданиями. И поэтому добродетель терпения является совершенно необходимой христианину (понимая под совершенным терпением благодушное перенесение скорбей и страданий). А для укрепления добродетели терпения православному христианину необходимо держаться непрерывного памятования о том, что всё что с нами происходит: происходит по Воле Божьей, даётся нам во Благо и содействует нашему Спасению.

Содержание

Пролог	5
Счастье	6
Беда	14
Наказание	32
Эпилог	47

Константин Томилов

Там, где Небеса

Посвящается М. М.

"От Меня это было"

Пролог

Сквозь сеть алмазную зазеленел восток.
Вдаль по земле, таинственной и строгой,
Лучатся тысячи тропинок и дорог.
О, если б нам пройти чрез мир одной дорогой!
Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить.
(Максимилиан Волошин)

Счастье

– Здравствуй, Маша, – послышался справа, за спиной разбитной воспитательницы низкий, мягкий, как будто бархатный мужской голос.

Безуспешно пытающаяся подгонять, разомлевших на морском берегу, не желающих возвращаться в душный корпус малышей:

– Дети! Дети! Поторопимся! Не растягиваем строй! Петя, Катя, поживее, что вы там еле плетётесь?!

Мария Викторовна, лучший педагогический работник образцового детского оздоровительного лагеря, резко, как от удара, обернулась. Потянув вниз, легко скользящие по вспотевшему носу, солнцезащитные очки, глянула поверх них на придерживающего норовящуюся закрыться воротину охранника. В секунду окинув взглядом одетого в поношенный камуфляж, немного старшего её крепкого, стройного мужчину, глянула на его уже довольно загорелое улыбающееся лицо с коротко стриженной русой бородкой, встретила взглядом своих зелёных, "изумрудных" глаз с его голубыми как небо глазами и в то же мгновение, всем своим телом, каждой клеточкой, всем своим существом, сверхъестественно, не поняла, нет, ощутила, что всё – она ПРОПАЛА...

– А когда это мы с Вами..., эээ, – близоруко прищурилась на болтающийся на груди охранника бейджик, – Мак-

сим Леонидович, на брудершафт пили?! – и мгновенно вскипая от непонятно откуда взявшейся злости, желая надавать пощёчин этому ухмыляющемуся наглецу, расцарапать эту "алленделоновскую" физиономию, что есть силы осыпать ударами изящных, хрупких кулачков мускулистые плечи, почти прокричала, – что это ещё за такое?! Кто Вам позволил? Что за фамильярность? Да как Вы смеете...

– Простите нас, Максим, – втиснулась между ним и ею Рената, коллега по работе, соседка по комнате и ближайшая, со школьной скамьи, подруга, – Мария Викторовна видимо устала уже сегодня и на солнце перегрелась, – подтолкнув опешившую от "разворачивающихся событий" напарницу, шепнула ей на ухо, – Машка, ты чё, сдурела? Дети же смотрят! Чего ты взбесилась, из-за чего?

Опомнившись, от непонятно чего случившегося с нею, Мария Викторовна заспешила к поразевавшим рты "головастикам":

– Всё, всё, дети! Пошли, пошли!

– Простите, ещё раз, Максим, – слащаво улыбнулась, замыкающая строй малышни Рената, закрывающему ворота охраннику.

– Да, ничего страшного, – пожал плечами в ответ невозмутимо улыбающийся мужчина, – со всеми бывает, – и немного повысив голос, сказал в спину вздрогнувшей как от озноба "даме сердца", – до свидания, Мария Викторовна!

– А у него, так же как и у тебя "шило в заднице", – раз-

вейвала недоумение подруги Рената, сразу же после отбоя, лёжа на соседней кровати и отчаянно зевая, – он и начальник охраны, и как бы помощник завхоза, и разнорабочий, и на кухне помогает, а сегодня кто-то из охранников видимо или отпросился, или не вышел, вот он и подменяет... А ты что, серьёзно его раньше не видела, то есть я хотела сказать не замечала?

– Нет, – каким-то обречённым, усталым, безжизненным голосом ответила Мария, весь остаток дня боровшаяся сама с собой, пытавшаяся забыть произошедшее.

– Ну ты даёшь, подруга! Уууааа, — снова отчаянно зевнула Рената, – я так его в первый же день заметила..., да и все девки тоже..., все от него - "кипятком в потолок ссут"..., все незамужние стали и кольца снимали..., уууааа..., одна ты, получается, "не при делах", ничего вокруг себя не видишь, "по уши в работе"..., хотя, колечко то, ты тоже не носишь. А? Почему?

– Я не поэтому, – спокойно и равнодушно возразила Маша, уставившаяся в невидимый в темноте белый потолок, как будто желающая что-то разглядеть на нём, – пальцы что-то, как похудели вдруг, от жары что ли? Раза два его чуть не потеряла. Один раз когда кисточки за этими "поросятами" отмывала. В раковину уронила, чуть не утопила, еле-еле выковыряла его оттуда. А второй раз девчонкам из шестой комнаты косички заплетала, слышу что-то звякнуло, а они мне хором, "Мария Викторовна, у Вас кольцо упало"..., стран-

но, почему так? Ведь от жары руки и ноги наоборот отекают, а тут... А, Рената? – спросила уже провалившуюся в сон, сладко посапывающую подругу.

– Короче, – заговорщически поблескивая в полутьме ночника чёрными глазами, вещала в следующий вечер Рената, – "выцарапала" я у него номер телефона. Он так-то, никому его не даёт! Всё отшучивается и увиливает. А как только я сказала что для тебя, так он сразу же...

– Ренатка, ты дура?! Зачем?! Я тебя об этом просила?! – заметалась как в горячечной лихорадке по постели Мария, почти уже успокоившаяся, "начинающая забывать" ЕГО.

– Сама ты дура, – обиженно загундела лучшая подруга, – я для неё понимаешь стараюсь, "жопу рву", а она, вместо благодарности..., реально, ты дура, Машка, такой мужчина! Такое приключение могло бы быть, а она!

– У меня же Сергей, Анютка! – простонала почти как от физической боли молодая женщина, пытающаяся воспоминаниями о муже и дочери заслониться от неотступно преследующего её образа.

– Ну как хочешь! Нет – так нет! – категорично резюмировала Рената шлепая ладонью по ночнику выключая его, – на нет и суда нет, – договорила после мяукающего зевка заворачиваясь в одеяло и отворачиваясь к стенке.

– Доброе утро, – не глядя на просыпающуюся подругу, проговорила, почти не спавшая всю ночь Маша, сидя на постели и смотря в рассветающее окно, – какой там номер те-

лефона? Я так то, конечно ничего не собираюсь... , так, просто на всякий случай...

– Конечно, конечно, – затряслась от смеха мгновенно проснувшаяся Рената, – а никто, и ничего такого и не думает! Просто так! На всякий случай!

Подскочив с постели, не переставая хохотать, включив свой телефон, отыскав и показав подруге контакт:

– Вот – нате ВАМ! НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ! Ой, я щас прям обоссусь! – прореготала запахивая халатик и выбегая в коридор.

Маша лежала без сна таращась глазами то в непроглядную темноту, то в светящийся экран телефона, на котором с утра, абоненту "охрана", "болталась" неоправленная смс из одного слова.

Наконец, окончательно решившись, чувствуя себя то ли взлетающей вместе с кроватью вверх, то ли падающей вниз, глубоко вздохнув и выдохнув, нажала "отправить". И тут же, в изнеможении, уронила руки вдоль тела. Полежав с полминуты в каком-то трупном оцепенении, опомнилась и всхлипывая:

– Ой, Господи, мой Господи! Что же я делаю? Что я делаю?

Резко вскинула правую руку с телефоном к лицу намереваясь всё исправить, удалить сообщение, но было уже поздно, телефон вздрогнул, булькнул и на засветившемся экране появилось:

– Здравствуй, Маша!

Она вышла к нему через три ночи лихорадочной, болезненно сладостной переписки. Прокравшись, как воришка, по спящему корпусу летнего детского лагеря, благополучно миновав подрёмывающую ночную вахтёршу, открыв переданными им, через Ренату, ключами запасной, аварийный выход, спустилась по разваливающейся от старости лестницы со своего второго этажа вниз и УПАЛА в объятия нетерпеливо подрагивающего Максима.

– Ой, что я делаю?! Зачем?! – рванулась Маша после жаждающе бесконечного поцелуя, будто и в самом деле намереваясь "остановиться".

– Машенька, – просящим, умоляющим почти детским, подростковым голосом просипел "скоропалительный воздыхатель", – не уходи! Пожалуйста!

– Да куда ж я от тебя? – сквозь слёзы рассмеялась Мария, приникая к нему всем своим дрожащим телом, – всё пришла уже, значит ТВОЯ..., пошли..., пошли к тебе.

– Какой ты у меня неумелый, – посетовала спустя неделю Маша, – всё тебе говорить и показывать надо..., ОЙ! — тут же испуганно приникла к нему и оцепенела от страха, а вдруг он её попрекнёт чрезмерной многоопытностью.

– Да я как-то всё, – как и не поняв ничего, не обратив внимания, извиняющееся пожал плечами Максим, – всё по гарнизонам и "в деле". А там все бабы, либо верные жёны, либо такие шалавы с которыми и связываться не хочется. Нет,

конечно же были у меня женщины. Но каждый раз совсем ненадолго. На раз или два меня с ними "хватало". А потом, почему-то, противно становилось, отвращение к ним появлялось...

– А со мной?! – требовательно впилась в него взглядом в рассветном полумраке Маша.

– А с тобой нет, – счастливо заулыбался ей в ответ Максим, – ты для меня с каждым днём..., то есть с каждой ночью, всё желаннее и желаннее..., я ведь тебя в первый же день заприметил, а ты на меня "ноль эмоций"..., а я, как тебя увижу, так весь день как праздник..., ты же, Машенька, вся такая, как из солнца и ветра...

– Ох, Максимушка! Не надо, – сладострастно застонала Маша, – замолчи пожалуйста, а то когда ты так говоришь, у меня всё прям горит внутри, того и гляди "дым из ушей повалит", "пожежа" прям внутри, особенно здесь, – беря его руку и прижимая её ладонью к низу своего живота.

– Сейчас "потушим", – уверенно пообещал "бравый пожарник", заключая в объятия, задыхающуюся, как от спринтерского бега, Свою Женщину.

Им удалось взять совместный выходной уже перед самым концом первой смены. "Убежав" из лагеря ранним утром, они сняли крохотное бунгало прямо на берегу переливающегося расплавленным золотом моря. Во время этого одновременно бесконечного и пролетевшего как один миг, переполненного безудержной радостью дня, выяснилось что они

живут и чувствуют как один человек; что им нравится одна и та же еда, музыка, книги; что телевизора для них как и не существует; что поэзия для них, прям таки "божественное наслаждение", когда один начинал читать, а второй тут же подхватывал, продолжал за ним ритмические строки; что на всю эту "дурацкую политику", им обоим "насрать тридцать три кучи"; что во всём им даже и поспорить не о чем, а Согласие сплетается с Согласием "запутывая" их в "неразрывные сети". Каждый раз в такие мгновения Маша чувствуя как её сердечко замирает и начинает болеть от какого-то то ли сладостного, то ли тягостно тревожного предчувствия, обхватывала ладонями лицо Максима и пристально вглядывалась в его глаза. Пытаясь понять не лукавит ли он, не подстраивается ли под неё. И видя, где-то в непроглядной черноте его зрачков, что и его посещают такие же подозрения. И каждый раз оба убеждаясь в искренности своих слов, они бросались друг другу в объятия если были внутри деревянного домика, или схватившись за руки, стремглав, бросив всё, убегали с пляжа, срывая с себя сразу за порогом, те крохотные лоскутки одежды, которые прикрывали их разгорячённые тела.

– Ой, выключите, пожалуйста! – вскинулась лежащая на плече Максима, подрёмывающая в ночном такси Маша, когда они возвращались за полночь на "своё рабочее место".

– Да как скажете, – равнодушно пожал плечами таксист прерывая завывающую из динамиков песню о том, как ветер с моря дул, дул и нагонял беду.

Беда

Всё началось "рушиться" во время пересменки, когда лагерь освободившись от первого готовился к приёму второго заезда.

– Это ты, Рената? – не оборачиваясь, услышав открывающуюся дверь, спросила Мария торопливо строча в тетради, желая поскорее отделаться от писанины, чтобы ещё успеть с Максимом на послеобеденное море, – что-то ты рано, тебя ж до завтра отпустили.

– Мама! – раздался за спиной радостный визг Анютки.

– Ой, доченька моя! – чуть не упала со стула Маша, соскользнув с него, опустившись на корточки и обнимая, притискивая к себе родное детское тельце.

– Как вы сюда попали? – спросила радостно смеясь и чмокая смеющееся румяное личико.

– Начальник охраны пропустил, – ответил за неё вошедший следом Сергей, – "молоток-пацан", понимающий, а то, тот который на вахте упёрся как баран, не положено говорит и всё, звоните чтобы она сама к вам вышла. А у тебя телефон не отвечает...

– Забыла наверное зарядить, замоталась тут с этой пересменкой, – "завиляла" Маша, "закрываясь" дочерью от подозрительно поглядывающего на неё мужа, – а почему вы меня не предупредили что собираетесь приехать? Я бы тогда...

– А мы хотели сделать тебе сюрприз! – перебила её радостно хохоча Анютка.

– Ничего себе сюрприз! – огорчённо вздохнула и тут же "ринулась в атаку" Мария, – а если бы я не на месте, не здесь была? Меня же с утра на центральный склад посылали, я вот только недавно оттуда приехала. Вон ещё только разгрузились, ещё даже не разбирали ничего, – махнула в сторону открытой двери, где в холле коридора первого этажа было свалено то, что требовалось для обеспечения следующей смены.

– Да ладно тебе, – виновато засопел, понимая что "накосячил" Сергей, – обошлось же всё...

– Да, Слава Богу, обошлось, – язвительно поморщилась Маша, пытаясь включить тут же "отрубившийся" телефон, – ну вот! В "ноль" сел! Вчера вечером забыла зарядить, а сегодня с утра некогда было. Ну, да ладно, – доставая из ящика письменного стола зарядку и мимоходом, незаметно натягивая на безымянный палец валяющееся там же обручальное кольцо, – раз уж приехали, и всё так благополучно обошлось, пойдёмте погуляем хоть пару часиков и на море искупаемся.

Подойдя к глуповато помаргивающему Сергею и мимолётно приобняв и чмокнув его в щёку, тут же подхватила на руки и закружила радостно льнушую к ней Анечку.

Стараясь не раздражаться на нахально разглядывающего молодых девок мужа, Мария провела, запланированное не для этого время, в обнимку с доченькой. Она только сейчас почувствовала как соскучилась, истосковалась по ней. И

поняла, что часть этого материнского чувства она отдавала Максиму. И ещё поняла, что её любовь к нему, чем-то сродни материнской любви, что она воспринимает его не только как сильного, надёжного мужчину, но и как маленького беззащитного мальчика. Особенно в те моменты когда он...

Маша встряхнула головой, как будто пытаясь выбросить оттуда всплывшие сладострастные воспоминания. И зачерпнув ладошкой брызнула тёплой, чистейшей морской водой на счастливо расхохотавшуюся Анечку. Потом отворачиваясь от ответных брызг, посмотрела на развалившегося под солнцезащитным зонтиком Сергея и вздрогнула от отвращения. Не желающий ни загорать, ни купаться муж, время от времени посасывал захваченное с собой пиво и пялился на голые женские тела. Иногда, видимо машинально, бесконтрольно, почёсывая мясистую промежность.

"Ну, вот нахера?! Нахера я за него замуж вышла?!", как заезженная пластинка, вновь и вновь крутилась мысль в голове молодой женщины.

Зная его болезненное пристрастие и помня о том, во сколько сегодня трансляция столь ожидаемого футбольного матча, воспользовавшись тем, что муж от жары и выпитого пива малость осоловел, Маша чуть "притормозила" их отъезд. Отомстила. Когда разомлевший Сергей задремал, она вместе дочкой "спряталась" в ближайшем кафе, где почти час они провели лакомясь мороженым и сокровенными разговорами. Выждав когда муж очнётся от дремоты и дотерпев

до момента когда он, нетерпеливо поглядывая на часы начнёт метаться туда-сюда, Маша держа Анечку за руку вразвалочку вывалилась из полумрака прохладного кафе.

– Ну вы где?! – с раздражением накинулся на неё Сергей, – время уже знаешь сколько?!

– Откуда я могу знать сколько сейчас времени, если я свой телефон там на зарядке оставила?! – в тон ему "отпарировала" Мария, – чё ты сразу орёшь? Ты спал, вот мы и решили пойти перекусить. Я тебя оттуда прекрасно видела, как только поняла, что ты из-за чего то вдруг распсиховался, сразу же сюда. И, вообще, надо было мне сказать, предупредить что тебе к определённому времени куда-то надо...

– Да чё надо! Чё надо! – не унимался "диванный болельщик", – ты ж знаешь что сегодня...

– Ничего не знаю!!! И знать не хочу!!! – разъярённой тигрицей рывкнула в ответ Маша, – обосрался бы он мне твой футбол чтобы я только о нём и думала! Я так то сейчас на работе! И с ребёнком больше месяца не виделась!

– Да я это..., ну мало ли на автобус опоздаем, – поник, не в первый раз, искусно "подрезанный" глуповатый "тюфяк".

– Автобусы в выходные здесь ходят каждые полчаса, надо было расписание посмотреть, а потом уже..., – не договорив потянула испуганную, притихшую Анечку, – пойдём, доченька, соберём твои игрушки и папины вещи, о то у него насчёт этого никак, руки не из того места..., они у него только для того, чтобы чесать те места, которые при людях чесать

неприлично, – "добила" понуро плетущегося за ними "подкаблучника".

Успокоенная тем, что её мама уже собирается на автовокзал, чтобы там встретить внученьку и сразу же оттуда поехать с ней на дачу, Маша сидела на пустой остановке держа прильнувшую к ней Анечку на коленях. А "мечущий икру" Сергей метался вдоль плохо асфальтированного, пыльного шоссе, то и дело запрыгивая на бордюр и вытянув шею вглядываясь вдаль:

– Точно будет автобус? – то и дело донимал он пожимающую плечами жену, – а почему людей никого кроме нас на остановке нет?

– Ты расписание видишь? – холодно "отбрыкивалась" от него Мария, – ну, а чего тогда ко мне пристаёшь? Надо было на машине ехать, раз так боишься...

– Ага, щас, – позлобев огрызнулся Сергей, – штраф ты за меня платить будешь, если "менты" меня "выцепят"?

– А что, без пива тебе никак нельзя было? – ядовито процедила в ответ Маша.

Хотевший было ей что-то сказать, то и дело "бунтующий", но каждый раз "ломаемый через колено" мужик, встретившись своими белесо-сероватыми глазёнками со светящимися как у кошки глазищами жены, "проглотил" назад "булькающие на языке" слова и снова убежал на обочину.

– Жаль, что того дяденьки, дяди Максима уже не было, – тихонько прошептала на ухо маме Анечка.

– Почему? – так же шёпотом спросила её Маша.

– А я хотела ему спасибо сказать, за то, что он нас к тебе пустил, а то сразу как-то не получилось, не догадалась, – как-то совсем по взрослому сказал только ещё собирающийся в первый класс ребёнок, – папа сначала кричать так начал, что я испугалась, а потом, когда этот дяденька подошёл и его успокоил...

– А как он его успокоил?

– А он спросил, к кому мы, и кто мы, и сразу же сказал что конечно же можно, под его, как это..., вот! Ответственность!

– А тебе этот дядя Максим понравился? – с какой-то за- таённой надеждой спросила Мария.

– Да, очень хороший дядя, спокойный такой и очень добрый. Он даже нас проводил, чтобы мы не заблудились. За руку меня держал, а то у папы руки пакетами были заняты. Хороший такой, вот бы папа наш такой был, – сокрушённо вздохнула чужая, стоящему на обочине и с нетерпением ожидающему автобус мужчине, девочка.

– Только мне его жалко очень, – чуть помолчав снова вздохнула Анечка.

– Кого? – не поняв переспросила Мария.

– Ну того дяденьку, дядю Максима, – вновь каким-то взрослым тоном уточнила маленькая девочка, – он когда довёл нас и присел попрощаться, а у него в глазах слёзы..., и такие они грустные, как будто ему очень, очень больно. Наверное у него недавно какое-то горе случилось.

– Горе, ох, горе, – только сейчас осознав что произошло, какая беда вот-вот обрушится на её голову, хрипло прошептала в ответ Мария, чувствуя как сердце обмирает от леденящего страха.

– О! Ну Слава Богу! Автобус, автобус! – прокричал Сергей махая руками и заметавшись по остановке, не зная за что хвататься, то ли за доверенного ему ребёнка, то ли за пластиковые пакеты.

Запихав мужа и дочь в полупустой автобус, помахав им на прощание, Маша тут же схватилась за телефон как "утопающий за соломинку". Пересилив себя сначала позвонила маме, чтобы точно убедиться в том, что она успевает к прибытию только что отъехавшего отсюда автобуса. Потом в каком-то полуобморочном состоянии, найдя контакт, попыталась дозвониться ЕМУ. И сразу, всем своим существом поняла, что связи с абонентом нет – всерьёз и надолго.

Ей удалось "поймать" его без свидетелей, только через прошедшие в бредовом состоянии сутки. Каким-то сверхъестественным чутьём, "шестым чувством" ощутив что он уже вернулся в лагерь, несмотря на то, что его телефон всё ещё оставался "вне зоны", ранним, душнотуманным утром, проснувшись как от толчка Маша подскочила с постели и быстро одевшись побежала к нему. Она ворвалась в его комнату как ураган, плача кинулась ему на шею.

– Маша, перестань, не надо, – вывернулся из её объятий Максим и скрестив на груди руки отвернулся к полусумрач-

ному окну.

– Прости, прости, – заскулила Маша прижимаясь плачущим лицом к твёрдокаменной спине.

– А за что? – обиженно пожал плечами Максим, – всё нормально. Ты взрослая женщина, красивая и умная, естественно, что у тебя должна быть семья. Это я дурак..., мог бы сразу догадаться..., ну, или спросить, раз своего ума не хватает.

Маша утробно взвыла и повалилась на колени, чуть ли не стучаясь лбом об пол.

– Что ты? Что ты делаешь? – испуганно дрогнул голос нагнувшегося к ней мужчины.

– Прости меня!!! Прости!!! Я требую этого! – вцепившись в его рубашку затрясла его, сама дрожащая как в лихорадке Мария, – я умру! Я не смогу жить без тебя! У меня сердце разорвётся!!!

Максим обхватил ладонями её лицо, и как часто у них бывало ранее, всмотрелся прямо в зрачки переполненных слезами глаз:

– Так значит – ЛЮБИШЬ?

– Люблю! БОГ ЗНАЕТ – как ЛЮБЛЮ! – прокричала, призывая Истинного Свидетеля, почти не помнящая о том, что она православная.

– Я тебе верю...

– Дверь, дверь надо закрыть, – через несколько мгновений всё ещё всхлипывая жарко прошептала, тающая от поцелуев, освобождаемая от одежды Возлюбленная.

– Ты чего? – спросила, три недели спустя Рената сидящую рано утром на кровати Марию оцепеневшую как сомнамбула и невидяще лупающую глазами в стенку над её кроватью.

– Вот, – вместо вразумительного ответа еле слышно проговорила Маша и показала подруге зажатую между пальцев правой руки бумажную палочку на которой явственно виднелись две полоски.

– Ого! – подскочила с кровати давно и безнадёжно бездетная подруга и вырвав евитест поднесла его к самым глазам, словно не веря или собираясь понюхать, – ну и "везёт" же тебе! Как это тебя угораздило? А когда последний раз было?

– Ещё до лагеря, по моему, – пожав плечами понемногу начала проходить в себя будущая мамаша, – ну да, точно перед тем как сюда ехать..., я ещё потом, перед отъездом специально Серёгу к себе не подпускала, чтобы не дай Бог, а то ж он, скотина такая с "презиком" ни в какую не хочет, а мне уже эти таблетки глотать надоело сил нет, печёнка болит...

– Чё дурью маешься, как от них может печёнка болеть? – попыталась "вразумить" её Рената, сама никогда не пользовавшаяся противозачаточными средствами.

– Сама ты, дура, – незлобиво огрызнулась Маша, – говорю тебе, что болит, значит болит! Думала хоть лето отдохну от этой отравы. А тут...

– Ага! А тут такое счастье, что все "мозги набекрень", – иронично усмехнулась подруга, – чего делать то собираешься?

– Ты про что? – недоуменно уставилась на неё Маша.

– Ну с ребёнком, – какой-то злобной ухмылкой скривилась Рената, – что делать собираешься?

– Ты что хочешь сказать? – начиная "раскаляться" просипела Маша, – на что намекаешь? На аборт?

– Ну естественно! – так же презрительно кривясь хмыкнула в ответ "доброжелательница".

– Ты совсем охуела?! – рявкнула на неё Маша, – чтобы я САМА – своего ребёнка убила?! – прокричала вскочив с кровати и сжав кулачки надвигаясь на побелевшую от испуга "напарницу".

– Да ладно тебе! Ладно, – успокаивающе замахала на неё руками Рената, – чего распсиховалась опять? Истеричка ненормальная, я ж просто так спросила. Мало ли. А то неизвестно как к этому, твой нынешний ДРУГ отнесётся.

– Нормально отнесётся, Максим меня любит!

– Ага, ага! Конечно! Про Анечкиного отца, ты тоже самое говорила, а как сказала ему про беременность, так он в Москву "сквозанул" и по сей день "ни слуху, ни духу".

– Максим не такой, – как-то не совсем уже уверенно возразила Мария.

– Ага! Все они НЕ ТАКИЕ! – расплакавшись бухнулась задницей на кровать Регина, забеременевшая по "любви до гроба" ещё тогда, когда ей и не исполнилось и шестнадцати, – а как "до дела дойдёт", самые что ни на есть ТАКИЕ! Дура, я блядь дура! – одинокой волчицей взвыла безнадежно испор-

ченная женщина, – нахрена я тогда на аборт согласилась?!

– Прости меня, – обняла плачущую подругу Маша.

– Это ты меня прости, – прохлюпала в ответ Регина, – не слушай никого! Рожай! Даже, если и этот от тебя... а как же ты с мужем будешь? – испуганно встряхнула она Машу.

– Уйду от него, – уверенно резюмировала Мария, – надел, сил нет, тошнит от него. Замуж выходила, думала что жить полегче будет, а по ходу, только проблемы себе лишние...

– А я тебе говорила, – мстительно зашипела Регина, за которой сначала ухаживал Сергей, а потом вдруг "прицепился" к более красивой подруге, несмотря на то, что у неё уже был грудной ребёнок, – Максиму то, когда об этом скажешь?

– Скажу, когда надо, тогда и скажу, – неуверенно пробормотала начавшая, почему-то, сомневаться "во всём и во вся" Мария.

– Доченька, – услышала в телефоне плачущий голос мамы Мария, спустя полусумасшедшего из-за приближающегося конца смены дня, – Потаповы позвонили, говорят, что мы их затопили. Вот мы с Анечкой едем сейчас туда. На даче всё побросали как попало. Даже не помню закрыла ли я её.

– Мама, мамочка! – успокаивающе закричала "в трубку" Маша, – ты только не переживай! Всё образуется! Всё будет хорошо! Ты свои таблетки взяла?... ну и Слава Богу! А я сейчас отпрошусь и к вам приеду.

"С боем" выбив себе суточный отгул, "бросив" все дела на

крепкие, мясистые плечи Регины, Мария бросилась искать Максима. Телефон не отвечал. Подойдя к центральной проходной и не переставая снова и снова набирать "заветный номер", Маша услышала знакомую мелодию звонка.

– Макс! – ринулась она внутрь плохо оштукатуренного, кое-как побеленного одноэтажного домика.

– Нет его здесь, – высунулся навстречу старый худой дядька, – был утром. Телефон положил на стол и забыл.

– А что случилось? – растерянно спросила молодая женщина нового незнакомого охранника, – а я Вас кстати не знаю, первый раз...

– Так, а я в первый раз и на дежурство вышел сюда, – равнодушно пожал плечами дядька.

– Аааа..., – ничего не понимая кивнула Маша, – так, а начальник охраны то где?

– Так я ж и говорю. Сегодня я здесь первый день. С утра Максим Леонидович пришёл, начал меня как бы в курс дела вводить, а тут к нему приехали...

– Кто?! – тревожным предчувствием стиснулось сердечко Марии.

– Не знаю. Какие-то военные, и на машине тоже военной, ну в смысле номера у неё. Друзья его похоже. Они сначала пообнимались, посмеялись даже. А потом, в сторонку отошли и о чём-то спорить начали. Точнее они его, о чём то уговаривали, а он отказывался. Под конец, я прям думал, что они подерутся. Старший из тех, кто приехал, Максима Лео-

нидовича за грудки схватил и трясти начал, а тот смеётся... , в общем, уехали они, а он, даже сюда не заходя, сник весь как-то, через дорогу перешёл и куда-то в сторону лимана...

– Давно? – нетерпеливо перебила рассказ Мария.

– Часа четыре назад! – возмущённо ответил дежурный, – у него телефон прям зазвонился. Ну ничего, скоро сядет и отключится, – резюмировал видимо уставший бесконечно звонящего телефона дядька.

– А можно? – испуганно попросила Маша кивнув на телефон, – я ничего не буду там делать! – уверила пожимающего плечами дядьку, – только гляну, при Вас, даже со стола брать его не буду, – проскулила желающая узнать КТО она для него.

"Ненаглядная моя – 27 пропущенных вызов" высветилось на экране "позабыто-позаброшенного аппарата". В горле у Маши вспух горячий комок и поднялся куда-то под самый подбородок.

– Спасибо, – еле сдерживая слёзы просипела она не глядя на насупившегося старика, – передайте ему... , а впрочем не надо, я сама в конце концов или дозвонюсь или напишу.

Сидя в тряском автобусе Маша написала максимально подробное смс-письмо о произошедшем и оправив его, ещё трижды, "вдогонку", напомнила Максиму о том, как она его любит. Немного успокоившись, начала мысленно готовиться к "новой битве".

– Мамочка! – радостно взвизгнула сидящая на столе, сто-

ящем посреди заполненной почти по щиколотку водой комнаты, Анечка, – наконец-то!

Прохлюпав босыми ногами по холодной грязной воде к ребёнку, почмокав и потискав её, Маша бросив сумку и пакет с вещами в "еле живой" сервант, "включилась" в работу.

– Бог в помощь, – хихикнул где-то через час Сергей, видимо от кого узнавший "о бедствии" и пораньше ушедший с работы.

– Ага! Дождёшься! – психованно замахнулась на него только что отжатой половой тряпкой Мария, – сколько раз я тебе говорила? Сколько раз просила, сделай маме краны, сделай маме краны?!

– Сколько, сколько – снова хихикнул уже "принявший на грудь" и поэтому ничего не боящийся "афоня из жэка", – сама же знаешь – "сапожник без сапог"!

– Помог бы тогда! – обиженно крикнула измучанная женщина.

– А хер бы вам тут уже помогать? – самоуверенно ухмыльнулся становящийся бывшим, "рогатый" муж, – всё уже, по ходу сами справились.

– Ну так с ребёнком хоть погуляй тогда! – совсем отчаявшись попросила Мария.

– Маша, может не надо? – попыталась вмешаться мама обессиленно сидящая на стуле с мокрой тряпкой в руках.

– Ну, а чего мам? Чего не надо? Пусть хоть вот здесь, под окнами, – кивнула Маша на виднеющуюся из кухонного окна

детскую площадку, – а то что она сидит в этой сырости? И одну её не отпустишь, сейчас же не то, что раньше. А так хоть какая-то "охрана".

– Ох, рано, встаёт охрана, – весело пропел подвыпивший "папаша", – поднимая девочку на руки и выходя с ней в коридор.

– Поставь её! – рявкнула в спину ему "неверная жена", – а то ещё уронишь, не дай Бог, алкаш проклятый.

– Ох, Господи, Господи, – забубнила себе под нос Мария, суетясь из последних сил, пытаясь высушить неведомо откуда появляющуюся на старом линолеуме воду, – нахрена?! Ну нахрена я с ним связалась?!

– Так ведь назло Регинке, Машенька, – невесело рассмеялась мама, – всё никак я не могу привыкнуть и понять, как вы с ней дружите..., ведь как кошка с собакой всё время, с самого детсада. Каждый раз как вы разругаетесь вдрызг, я думаю, ну вот сейчас уже точно всё! Нет, смотрю, опять помирились.

– Да не знаю я, – пожалала плечами Мария, – не могу я на неё почему-то обиду долго держать. И она тоже, другая бы прибила б меня за то, что я ей...

– Да уж, – вздохнула мама, – хулиганки вы обе, пакостницы, не приведи Господь...

– Ой, мамочка, прости, – обняла её чувствуя свою неоплатную вину Мария.

– Да ладно, – устало погладила её по спине и почмокала

в щёку мама.

– Ну, Регинка то, конечно "похлеще" меня, – повеселев от детских воспоминаний заговорила Мария, – помнишь, как она, чего-нибудь "нагадит" и бегом домой, а баба Паулина, бабка её, как почуяв в чём дело, "сразу в оборону". Дверь на замок, в окошко своего первого этажа по пояс вывалится, и как собака "гав-гав-гав" на соседей, которые следом за ней.

– Да уж, – немного повеселев покачала головой мама, – а я так, никогда не забуду, как она тебя в лодке рыбацкой заперла и ни в какую признаваться не хотела. Мы тебя, всем домом тогда обыскались. Заполночь уже, я её за горло схватила и кричу, говори мразь такая, а то задушу! Сразу созналась, баба Паулина и Галька со мной потом полгода не разговаривали, даже не здоровались.

– А я тогда в этой будке железной и наревелась, и описалась, и заснула, – как-то мечтательно отрешённо проговорила погружённая в детские воспоминания Маша, – ой, а где он? – вскинулась выглянув в окно и увидав что Анечка сидит ковыряясь в песочнице одна, а незадачливого "отца" и "след простыл".

Сбегав на улицу и забрав Анечку, потом, собравшись и закрыв сырую квартиру, все вместе спустились на первый этаж.

– Ладно тебе, Маша, успокойся, – со вздохом пожалела, причитающую и много-много чего обещающую "косячницу" дочь Потаповых, незамужняя и бездетная некрасивая соро-

кашестилетняя женщина, – как-нибудь справимся, вместе, чай не чужие мы, – завершила под подтверждающее бормотание стоящих у неё за спиной стареньких родителей.

– Машенька, деточка, – метнулась куда-то в квартиру и тут же вернулась назад старенькая Потапова, – вот, тебе, сладенькая моя! – сунула горсть конфеток чуть не плачущей от умиления Марии, – Анюточка, радость моя! Какая ты уже большая выросла! – погладила по голове с улыбкой откликнувшуюся на ласку доброй бабушки Анечку.

Непутёвый муж нашёлся уже дома. Сергей опять, как всегда, сидел перед телевизором посасывая "пивас" и смотря "какую-то хрень". Завидев "каменное" лицо жены, подскочил с дивана и убежал в гараж, "вспомнив" про какие-то "срочные дела", оставив падающую от усталости с ног женщину одну среди устроенного им бардака.

– Руки убрал! – как кобра прошипела на сопящего ей под ухо Сергея смертельно уставшая Маша, который дождалшись когда дочь мирно заснула, попытался "пристроиться" к уже отчуждённой от него жене, – и вообще! "Ноги в руки" и пошёл спать на кухню! Я не собираюсь всю ночь твоим перегаром дышать!

– Охувше-оборзевшая, ты, блядь, – обиженно забубнил севший на постели спиной к ней мужик, никак не желающий уходить, отказываться "от сладенького", – "поучить" бы тебя, как нормальные мужики это делают, а то совсем уже "себя не помнишь".

– Чево?! – с какой-то злобной радостью вскинулась и села на постели Мария, – осмелел? Забыл как Регинка тебе прошлый раз "надавала"?! Ещё захотел?!

– Вот именно, завела себе подругу, – поднялся притихший и протрезвевший мужик, которого пару лет назад, мастер спорта по самбо вываляла в грязи прямо при толпе улюлюкающих сослуживцев, – не баба, а смесь бульдога с носорогом.

Наказание

Маша спала и снова, во сне, сидела в больнице рядом с чудом выжившей после полуподпольного аборта Региной. И снова Регина, плача, рассказывала ей, как родители "бедного мальчика", уговорами и посулами, убедили её на это изверство: "они сказали, что рано ещё и мне, и ему, что незачем жизнь себе портить, что мы ещё успеем, нарожаем, а я сейчас и знаю, и понимаю, что ВСЁ!, не будет у меня никогда никого". И снова Маша сначала начинала упрекать её, "дуру дурацкую", что она с ней не посоветовалась, а потом вспомнив, что на момент принятия Региной решения, они были в очередной "смертельной" ссоре, она опять падала перед постелью на колени и целуя её руки со слезами молила простить её. И снова, растроганная подруга, признавалась в соделанном ею девять лет назад злодеянии, когда она украла любимую Машину куклу и похоронила её за стоящими во дворе железными гаражами. И ни за что, несмотря ни на какие угрозы не желала тогда признаваться в этом. Дело дошло даже до того, что доведённая до отчаяния семилетняя девочка схватила кухонный нож и прокричала, что она себе сейчас руку отрежет в подтверждение того, что она не виновата. "А как тогда все, и твои, и мои перепугались", плача вспоминала в Машином сне Регина, "и сразу поверили мне. А я подлая, сделала это, чтобы тебе больно было, зная как ты

свою Катю любишь и как дорожишь ею. Мне так радостно было видеть как ты причитаешь, МОЯ Катя, где МОЯ Катя? У всех рядом сердце разрывалось от жалости к тебе, а у меня внутри прям так сладко-сладко было, я такое потом только с Васькой испытала, когда мы с ним в постели "кувыркались", прости меня, Машенька! Гадина я, мразь!" И снова Мария, со слезами, обняла и приникла к..., вдруг превратившейся в Максима Регине. Который, как-то не по его, а как-то по хамски, навалился на неё, овладевая ею, "проникая" в неё. С непомерным усилием вырываясь из глубокого сна Мария осознала, что происходит и поняв, что столкнуть Сергея с себя не получится, взвизгнув вцепилась зубами в ухо похрюкивающего от удовольствия мужика. Но было уже поздно. Видимо, "совсем уже перетерпевший", только что "вскочивший" на неё "олень", уже содрогался в оргазме. Спихнув с себя сразу же захрапевшего Сергея, Маша натянув "ночнушку", прошлёпала босыми ногами к проснувшейся и испуганно притихшей Анечке.

– Ничего, ничего, доченька, – гладила она отвернувшуюся к стене, сжавшуюся в комочек девочку, – мне просто сон дурной приснился, а тут ещё и "папа наш", напился и "хулиганит". Всё хорошо, спи, моя родная, и ничего не бойся. Мама рядом...

Успокоив снова задремавшую дочь, не желая возвращаться на "супружеское ложе", Маша кое-как, чуть не падая с детской кровати, пристроилась рядом с ней. Обнимая "свою

кровиночку", Мария, как много лет назад, когда лишилась СВОЕЙ любимой Кати, как никогда уже после, горько-горько плакала.

Рано утром, пока Анечка крепко и сладко досыпала, Мария ПРОКЛЯЛА загнанного в угол, скукожившегося на кухонной табуретке, держащегося рукой за залепленное лейкопластырем ухо, Сергея. Сообщила ему, что уходит от него, переезжает к маме. Сейчас заберёт самое необходимое, а после, когда закончится её "летний отпуск" превратившийся в работу в детском лагере, она заберёт всё остальное. И выгнала голодного мужика из его же квартиры:

– Перебьёшься! Обосрался бы ты мне, завтрак ему ещё! Иди вон, похмелишься и закусишь, вот и весь твой завтрак!

Натаскавшись полдня с вещами, а потом ещё полдня проубиравшись в квартире после проведённого сантехниками аварийного ремонта и уже вечером проводив маму и Анечку, посадив их на последний дачный автобус, Маша с этого же пригородного автовокзала поехала на работу.

– Ну, наконец-то! – успокоено вздохнула Регина, которая похоже через своих родителей и Машину маму, была уже "в курсе всех дел", – явились, не запылились...

– Максима не видела? – прервала её думающая только о своём Мария.

– Вчера вечером. Ты ничего ему пока не говорила? А то он что-то совсем смурной какой-то был. То ли поздоровался со мной, то ли нет, буркнул чего-то, я и не поняла, – ответила

подруга.

– А сегодня? – совсем упав духом переспросила Маша, ёрзая туда-сюда по комнате, мимо сидящей на кровати Регины, приготавливаясь ко сну.

– А сегодня нет, – зевнув ответила Регина, – кто-то из девочек видел как за ним утром машина приезжала, крутой такой "мерс", весь тонированный "в хлам", даже лобовое стекло, и всё, больше никто ничего не слышал и не знает. Даже "дружок" его закадычный, завхоз этот "хитрожопый". Так что?

– А? – отрешённо переспросила её Мария, – ты об этом? Нет, не говорила пока ему ничего, не до этого было, ну ты ж всё знаешь, – ответила на вопрос уверенная во всезнании "длинноносой варвары".

– Всё, да не всё, – категорично возразила Регина, выпытавшая и своей и Машиной мамы максимально известные им новости, – чего ты, вдруг, так "шашкой размахалась"?

Пристально вглядевшись в помертвевшее от усталости лицо подруги, пытаясь поймать уклоняющийся, увиливающий взгляд, каким-то "шестым чувством" поняв ЧТО произошло, ахнула:

– Дура, блядь! Как это тебя так угораздило?!

– Да разве я хотела?! – разрыдалась в ответ уже совсем обессиленная от непрерывных слёз Мария, скороговоркой рассказывая, объясняя случившееся.

– И чё?! – "жестоко позлорадствовала" подруга, – дума-

ешь я тебя пожалею?! А вот хрен тебе, – сунула ей под нос крепкий, почти мужицкий кукиш, – дура ёбаная! Говорила же тебе моя мама, чтобы ты у них ночевала! Чего тебе надо было?! Зачем туда попёрлась?!

– А где там у вас, где? – всхлипывая отчаянно пыталась защищаться Мария, – на твою кровать маму положили, а мне куда?

– Мама тебе предлагала на полу постелить, а ты завьёбывалась, "принцесса", блядь, "на горошине", поспала бы одну ночь, нихрена бы с тобой не случилось! Нет же, заладила, "у меня свой дом есть, свой дом есть"! А ну тебя! – отвернулась от Марии, переставшей реветь и с каким-то умилением разглядывающую её, – чего я опять за тебя "жопу рву"?! Не убудет же от тебя то от этого, в конце то концов... Чего ты лыбишься, дура?

– Сама такая, – не обидевшись вздохнула в ответ Маша.

– А впрочем, – пожалала плечами Регина, – ты подруга – молодец! Считай "двух зайцев одним выстрелом убила". Ты ж Макс, пока что, ещё ничего не сказала? Ну вот и отличненько! В случай чего, если один "сдриснет", то мы другого лоха...

– Регина! – остановила Мария, десятикратно более сильную физически, но тем не менее, не ведомо почему, побаивающуюся её подругу.

– Регина, Регина, – обиженно забубнила заворачиваясь в одеяло и отворачиваясь к стене женщина, – скоро уж трид-

цать лет, как Регина...

Проснувшись среди ночи Маша, попыталась растолкать крепко дрыхнущую, похрапывающую напарницу:

– Регин, а Регин, шум какой-то, как сирены где-то около нас.

Послушно вставшая на постели, высунувшая вместе с ней голову в окно Регина, ничего не услышав кроме отдалённого шума прибоя, шелестящих от ветра деревьев и редких посвистываний с нетерпением ждущих утра птишек, падая опять на кровать сонно провякала:

– Ох, Машка! Никакого ПОКОЮ у тебя, ни себе, ни людям.

Проворочавшаяся почти до рассвета, измучанная какой-то непонятной тревогой Мария, забылась полубормочным сном где-то под утро. И уже на рассвете, сквозь дремоту услышала злобное шипение Регины и истошное причитание бабки вахтёрши-уборщицы.

– Тише Вы, тётя Рая! – пыталась урезонить подруга не понимающуюся, чем-то насмерть перепуганную бабуся.

– Что случилось? – присела на постели встревоженная Мария.

– Мария Викторовна! – всунулась в приоткрытую дверь, "поднырнув" под руку попытавшейся задержать её Регины, бойкая старушенция, – беда то, беда какая! Максима Леонидовича застрелили! Бандиты какие-то! Он вчера вечером меня на дальней проходной заменил! А они ночью приехали

и как давай! Ой, Господи! А если бы я там на ночь осталась?!

– Чего Вы ерунду болтаете, Раиса Захаровна? – услышался из коридора солидный голос кого-то из охранников, – нахрена бы Вы им сдались? Опера говорят, что они специально за ним "охотились". Следили. Он во время второй чеченской кому-то, какому-то ихнему клану, "крепко насолил", вот они и узнали про него. Подкупили наверное кого-нибудь из их военного ведомства, вот и... А его свои предупредали. Требовали, чтобы он пока в гарнизоне побыл, пока их спецслужбы посланных для его ликвидации боевиков не обнаружат и не обезвредят. А он ни в какую! Упёрся говорят как осёл. Зачем то надо было ему здесь...

– Я знаю зачем! – утробно взвыла подскочившая с кровати Маша, – пусти! – попыталась она "прорваться" мимо заставляющей выход, успевшей вышвырнуть в коридор назойливую бабуся, Регины, – пусти! Умоляю, пусти! Мне надо к нему! Мне надо к нему! – забилась она в крепко удерживающих её, сильных "отцовских" объятиях.

Максим пришёл в сознание когда, Бог знает как, прорвавшаяся к нему Маша, третий час стояла на коленях прижавшись мокрым от слёз лицом к безжизненно простёртой правой руке.

– Ненаглядная моя, – улыбнулся мужчина, глядя на отёкшее и опухшее лицо Марии.

– Прости меня, – задрожала от сердечной боли Единственная, Предначертанная от Начала Времени, Плоть от Плоты.

– За что? – удивился Максим.

– Это всё из-за меня, – покаянно заскулила Маша.

– Тсссс, – отрицательно чуть качнул головой Оступившийся православный, – прежде всего это моя вина. Это я ТВОЙ ПОКОЙ нарушил. Не смог удержаться. Прости меня, Господи. Но я ни о чём не жалею. Ты мне подарила такое счастье, о каком я никогда и не мечтал. Даже сейчас, умирая, я знаю что ты есть у меня, и это такое счастье, радость, что трудно найти подходящее слово, что я чувствую глядя на тебя, – ненадолго умолкнув, всмотревшись в "пожирающие" его, покрасневшие от слёз изумрудные глаза, заглядывая куда-то в самую суть её души, еле слышно прошептал, – **БЛАЖЕНСТВО.**

Мария как-то "очухалась", пришла в себя непрерывно по-нукаемая тормозящей её Региной через три недели после похорон. Согласившись с подругой в том, что жизнь продолжается, и она, "эгоистка проклятая", должна что-то делать ради тоскующей Анечки, болеющей мамы и созревающего внутри неё плода, Маша сдуру, не сказав никому, не предупредив, припёрлась "к себе домой", чтобы забрать оставшиеся вещи.

– Привет, – холодно ухмыльнулся непривычно трезвый, чего-то припёршийся домой посреди дня Сергей, заходя внутрь и захлопывая приоткрытую входную дверь, – а я по разнарядке мимо шел, решил зайти, а то мало ли, воры забрались. И точно! – попытался ухватиться за руку ловко

увернувшуюся от него, хранящую гробовое молчание Марию, – не желаешь со мной разговаривать? Гордая! А мне знаешь ли, рассказали, нашлись "добрые люди", поведали, чем ты там всё лето занималась. Куда?! – толкнул в грудь пытающуюся пройти мимо него, упорно молчащую, презрительно ненавидящую его женщину, – чего молчишь? Не желаешь со мной разговаривать?

Мария отрицательно мотнула головой и шагнула в сторону, чтобы обойти потерявшего "услугу" собственника.

– Сука! Блядь! Хуесоска! – кастрируемым поросёнком завизжал свиноподобный мужик.

Легко швырнув опешившую, ещё не понявшую, что происходит женщину на пол, взбесившийся Сергей начал топтать её ногами.

– Серёженька! Серёженька! Не надо! Умоляю тебя, не надо! – отчаянно завизжала Маша тщетно пытаясь защитить живот от ударов кирзовых сапожищ.

– Проститутка, хуесоска, пидораска, блядища, тварь, гадюка подколотная, – сосредоточенно пыхтел не видя и не слыша никого и ничего обезумевший человек, как будто выполняя какую-то тяжёлую и важную работу.

Маша перестала кричать и сопротивляться когда почувствовала и поняла, что ВСЁ. Не глядя на приходящего в себя, шарахнувшегося от неё Сергея, почувствовав мокрую теплоту между ног, сунула руку под юбку. И увидев испачканную кровью ладонь, потеряла сознание.

Бывший муж сам вызвал скорую и полицию. Сам дал признательные показания, ни в чём не оправдывая себя и покорно проследовал в арестантский узик мимо хмуρο столпившихся во дворе соседей.

– Убью гада! – сквозь стиснутые зубы вынесла приговор Регина, выходя из больницы, где в реанимации болталась между жизнью и смертью Мария.

Как будто услышав её слова, отпущенный через трое суток под подписку о невыезде, Сергей залив в себя около литра сорокоградусного напитка, упал под "товарняк" несущийся с бешеной скоростью мимо полуразвалившейся платформы "29 километр".

Анечка заболела под новый год, кое-как выкарабкавшаяся "из под могильной плиты" Мария заметалась между серым зданием областной больницы, где быстро угасала пожираемая менингитной горячкой дочь и белым храмом Преподобномученицы Елисаветы Федоровны.

Изо всех последних душевных сил чая спасения жизни последнего что у неё осталось, Маша попыталась исповедоваться не совсем ещё старому, гугниво говорящему священнику, расположенная тем, что его зовут также, как и Любимого ею мужчину. Только начавшаяся, как бы, исповедь, тут же превратилась даже не в ропот, а в яростный бунт:

– Да что Вы говорите, батюшка, – всхлипывая кричала Мария, – что значит смириться?! Это почему ещё? Я что, совсем скотина бесправная? Всю свою жизнь как проклятая,

всё время у меня МОЁ отбирается. Папа мой, как я его любила! Мне всего пять было когда его не стало, мама чуть не умерла вслед за ним от горя. С тех пор так и не оправилась. Ребёнком я думала, что ладно живые сами по себе, а уж кукла то точно МОЯ, и ту у меня. Причём лучшая подруга! И Мужчину МОЕГО я только-только встретила, и его у меня! Где справедливость?! Что я хуже всех?! Да я всю жизнь как проклятая, работаю и работаю! У всех девчонок каникулы, а я деньги зарабатываю, чтобы мало-мало к школе подготовиться и чтобы маме полегче было. Оставьте мне МОЮ доченьку! Что же ВЫ у меня последнее забираете?!

– Я? – опешил сам чуть не плачущий вместе с ней отец Максим.

– Ну, не Вы, батюшка, – не зная где искать ещё защиты, доверчиво, как к родному отцу, прижалась к нему Мария, – не знаю КТО, но пожалуйста, пощадите меня!

– Иди, родная, иди к дочери, – как смог утешив её напутствовал настоятель храма, – я ПОМОЛЮСЬ за вас, за обоих...

– А где отец Максим? – спросила пришедшая через день на вечернюю службу Мария.

– В больнице отец Максим, – как-то неприязненно ответила ей сидящая в свечной лавке нестарая женщина, – вчера утром увезли прямо отсюда в кардиологию. Он зачем то, на ночь здесь остался, вот утром и нашли его здесь, в алтаре, чуть живого.

И отец Максим, и Анечка, и мама, ушли из этого мира прямо друг за другом. Совсем потерявшая чувство реальности Маша "сломалась" и пустилась во все тяжкие. Ухитрившись избежать "неусыпного ока" Регины, связавшаяся с пропитыми бомжами Мария, выбросила в мусорный контейнер ключи от дома, "сжигая за собой мосты".

– О, дедок! Заходи, гостем будешь! – пьяно радостно прокричал вонючий бомж неведомо как очутившемуся в подъезде заброшенного дома благообразному старику, – а ты как здесь оказался?

– А мне ваш друг разъяснил как вас найти, – каким-то глуховатым, невнятным голосом ответил одетый не лучше сидящих кружком бомжей дедок, – он внизу там, у подъезда лежит, сказал что вам очень сильно это надо, а у него сил нет до вас дойти, – протянул восторженно завопившей публике грязный полиэтиленовый пакет, до половины наполненный аптечными пузырьками из тёмного стекла.

– Батюшка! – радостно заголосили бомжи, – да ты же наш Спаситель! А то мы здесь уже совсем! Колька скоро сдохнет без "опохмела"! А сам будешь? Нет? Ну и Слава Богу! Нам больше достанется. А может ты бабу хочешь? У нас есть! Машка, ебаться хочешь?! – крикнул "вожак" в сторону одной из полуразрушенных комнат.

– А то! Давай сюда! – послышался сиплый хрип, то ли человека, то ли животного.

Старенький дедушка потихоньку встал и пошёл в ту сто-

рону откуда только что послышался вопль почти погибшего существа. Сразу позабывшие о нём собутыльники, как и не заметили его исчезновения.

– Ого! Свеженький, – полупьяно хихикнула Мария, выпутываясь из засаленного тряпья, – может хоть ты, чего-то сможешь, а то у этих совсем уже ни у кого "не стоит", тока одно расстройство с ними... – и тут же разглядев подошедшего к ней, снова начала "зарываться" в свою "звериную нору".

– Здравствуй, Маша, – тихо прогудел старец опускаясь перед ней на колени.

– Кто ты?! – охваченная запредельным ужасом и одновременно как горящая изнутри от лучащихся ЛЮБОВЬЮ глаз прохрипела Мария.

– Это неважно сейчас, потом узнаешь, – ласково улыбнулся ей Добрый Дедушка, – ты Домой хочешь? А то ведь зовут тебя, СИЛЬНО ЗОВУТ, затем и меня прислали, много тех, кто за тебя просит.

– Очень, очень хочу, – всхлипнула Маша, – но как?! Как я домой попаду, я ключи потеряла!

– Как это? – искренне удивился дедушка, – а это разве не твои?

Протянул и вложил в грязную ладошку связку ключей с до боли знакомым брелком, маминым подарком, хитренькой рыжей лисичкой.

– Батюшка, – снова смиренно всхлипывала три года спустя Мария стоя на коленях перед аналогом рядом с сидящим

на стуле чуть живым иеромонахом Святогорской лавры, – я ведь знаю, что тогда меня оттуда Регина вытащила, распинала тех бомжей, и меня, как ребёнка, на руках, домой. Но ключи, ключи то она меня уверяет, у меня уже в кулаке зажаты были. А я ведь точно-точно помню как я их в мусорный контейнер выбросила. И я думаю, что это Он был, – посмотрев на висящую неподалёку икону Чудотворца продолжила, – но как?! Разве можно было к такой как я?!

– Ну, ну, ну, – тихонько "притормозил" её ничему уже не удивляющийся Ратник Христов, – а почему бы Он не мог к тебе прийти? Ведь ты ж наверное ЗВАЛА Его? – получив подтверждающий кивок, продолжил, – ну вот Он и пришёл. Господь послал, Он и пришёл. А к кому Ему ещё идти как к не ПОГИБАЮЩИМ?! Вот что я тебе скажу, ты ДОМОЙ то хочешь? Ведь судя по тому, что ты мне поведала, тебя там очень много кто ждёт..., ну вот и терпи теперь..., исправляйся..., помогай тому, кто у тебя помощи просит..., Максима этого ещё помнишь?

– Да что Вы, батюшка, ни на минуту забыть не могу! Так мне стыдно, за то что я после понавывтаривала! И люблю его до сих пор. И даже, мне так кажется, ещё сильнее и сильнее.

– Значит он молится там за тебя, бьётся с Врагом за твою бессмертную душу. Говоришь у вас любовь с первого взгляда была? А знаешь ли ты, деточка, что такое Настоящая Любовь с первого взгляда? А это когда совсем незнакомые люди встречаются, в первый раз друг друга увидели, а не знают

они того, что их Ангелы-Хранители уже давным-давно друг с другом знакомы...

Эпилог

Директор детского дома Мария Викторовна Приходько и её "правая рука" Регина Анатольевна Грищук погибли в апреле две тысячи двадцать второго года, пытаясь защитить своих подопечных от горе-вожак, которые вознамерились использовать и так уже всё потерявших сирот в качестве "живого щита".